

С. А. Ганина

РЕЛИГИОЗНЫЕ И СВЕТСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена проблеме анализа соотношения светского (государственного и домашнего) и религиозного знания в процессе социализации детей средневековой Руси. Особое внимание уделяется семейным формам воспитания и образования детей как исторически сложившемуся способу сочетания религиозного и светского аспектов знания. Проводятся параллели между современными попытками внедрения религиозного знания в светскую школу и их историческими формами существования.

Ключевые слова: социализация, религиозное воспитание, семейное воспитание, школьное образование.

В 90-е гг. XX в. произошло значительное усиление влияния религии на жизнь российского общества. Русская православная церковь (РПЦ) активизировала свою деятельность в общественной жизни страны в целом и в деле образования и воспитания молодежи в частности. Православная церковь в российском обществе располагает определенным кредитом доверия. Массовое сознание воспринимает церковь в качестве хранительницы обычаев и культурных традиций народа. Люди видят в православии потенциал духовно-нравственного и патристического просвещения и воспитания молодежи, что позволяет РПЦ, по сравнению с другими конфессиями, успешно формировать систему религиозного образования и воспитания. Это побуждает исследователей к переосмыслению роли и значения деятельности РПЦ по работе с детьми и молодежью. Многообразие имеющихся на сегодняшний день форм работы церкви с молодежью представляет значительный теоретический интерес. Однако процесс включения РПЦ в сферу образования и воспитания подрастающего поколения протекает противоречиво и небеспроблемно. В силу этого актуальным становится комплексный историко-педагогический и социально-философский анализ участия РПЦ в процессе социализации подрастающего поколения на разных этапах ее истории. Очень важно точно определить и философски осмыслить меру, формы проникновения религиозного компонента в образовательную и воспитательную среду. Таким образом, исследование данной проблемы представляется своевременным и актуальным. Для рассмотрения выбран период русского Средневековья как время начального соединения светского (домашнего и государственного) и религиозного компонентов в процессе подготовки детей и молодежи к общественной жизни.

Киевская Русь наследовала с принятием христианства (988 г.) зрелую культуру Византии, опережавшую в IX–X вв. по уровню развития школьного дела Западную Европу [1]. Византия была прямым наследником эллинистического порядка

семейного воспитания и школьного образования. Если в Западной Европе заботу об обучении юношества взяла на себя церковь, то в Византийской империи, а затем и в Киевской Руси школы основывало государство в лице своих светских правителей. Византия для древнерусских устроителей государственности являла собой образец школьного дела. Правящая древнерусская верхушка старалась и в семейной жизни подражать константинопольской знати.

В школах Византии господствовали античные принципы и методы обучения, а содержание образования черпалось из школьных учебников эллинистической эпохи. Поэтому в образовании был силен светский пласт знаний. Курс обучения был традиционным для всей цивилизованной Европы – семь свободных искусств, цель образования – усвоение энциклопедических, универсальных знаний, а вершина – философия, право, медицина, оккультные науки, богословие. Основой обучения в Византии были гуманитарные предметы, тривиум. Склонность к слову, к словесной культуре была естественно и органично воспринята славянами, особенно Русью.

На Руси основной объем необходимых для жизни знаний (грамотность и навыки трудовой деятельности), по-видимому, преподавался детям родителями. Именно такое положение вещей предполагает Устав Всеволода, записавший поповского сына, не умеющего грамоте, в изгой. Нормальным, очевидно, считалось, что отец-священник обучит своего сына основам своего «ремесла». Представление о всеобщей неграмотности населения Древней Руси, нашедшее выражение в «Очерках по истории русской культуры» П. Н. Милюкова [2, с. 207–210], к настоящему времени вполне опровергнуто открытием берестяных грамот А. В. Арциховским. Более верную точку зрения на состояние образования в Древней Руси высказал еще в середине XIX в. митрополит Макарий (Булгаков) в своей «Истории русской церкви». По его мнению, после крещения на Руси стараниями князя Влади-

мира начинается распространение грамотности. «Равноапостольный князь» начал со своего семейства, обучив грамоте детей. Затем образование шагает дальше в народные массы [3, с. 63].

Как было показано академиком Б. Д. Грековым, существовали различные уровни образования: основа – элементарная грамотность (обучение грамоте и письму) и форма высшего образования – «учение книжное» [4, с. 405]. В понятии «учение книжное» очевидно соединилось представление о разных уровнях образования, стоящих выше элементарной грамотности. Судя по всему, поступление на учебу было обычным этапом взросления детей из семей, чье социальное положение было хотя бы немного выше среднего. Такое «учение книжное» – обычное дело, необходимая составляющая воспитания.

Уровень и объем преподавания был адаптирован к нуждам социальной среды, выступавшей заказчиком такого образования: надо полагать, что в особые тонкости учитель не вдавался, ведь далеко не все из учеников планировали карьеру церковного деятеля. Дети, стремившиеся вместо учения заняться играми и баловством, становились в конце концов княжескими вельможами или купцами. Давать им слишком большой объем знаний было ни к чему, да и юный возраст обучаемых вряд ли бы позволил выйти за пределы изучения «базового курса» церковной литературы, который и в более позднее время составлял основу древнерусского образования: «Псалтырь», «Часослов» и пр. Для основной массы учеников приобретенные знания оставались своеобразной «общегуманитарной» (в применении к эпохе можно сказать «общерелигиозной») подготовкой, не связанной напрямую с основным видом профессиональной деятельности, быстро вылетающей из головы, но необходимой для того, чтобы не считаться «невеждами».

О целях, методах и содержании образования детей светских феодалов Киевской Руси наиболее полные сведения мы извлекаем из «Поучения детям» князя Владимира Мономаха (1117). Сам свое произведение глава светской власти Киевской Руси называет «грамотицей» и адресует его своим детям и их знатным сверстникам. Основной мотив этого произведения – призыв к труду, к готовности жить и трудиться в сложных социальных и исторических условиях и бичевание ленности. Мономах ратует за упрочение семейных уз и возвеличивание роли отца в деле воспитания детей, сыновей. Отца он рассматривает как представителя Бога в семье, Бог же – отец всех людей, а человечество – его дети. В плане нравственных норм Владимир Мономах расширяет семейную этику до пределов всего народа: «Старых чти, как отца, а молодых, как братьев». Одно из основных умений, которые отец

передает сыну, это умение управлять своим домом. Второе умение – воинское, знание полководческой науки и физическое подобающее воину развитие. Тут Владимир Мономах во всем разделяет идеал, нарисованный в народно-эпических произведениях – былинах. Основным методом воспитания Мономах считал пример.

В плане содержания образования Мономах интересуется не столько богословскими, сколько вопросами естествознания и философии, например: «Како небо устроено, как ли солнце, како луна, како звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена», «како от перстии создав человека, како ообрази различии в человеческих лицах...» Тем самым Мономах заинтересовывает слушателей-детей в изучении природных явлений, очерчивает круг интеллектуальных устремлений государственного деятеля.

Владимир Мономах, человек прекрасно знакомый с византийской светской и религиозной культурой, не случайно выбирает жанр поучения детям. Судя по всему, выбор этот сознательный. Мономах продолжает мировую линию этого древнейшего педагогического жанра, уходящего своими истоками в первые цивилизации и широко распространенного в раннем Средневековье от Средней Азии до Западной Европы. Современники Владимира Мономаха знали и широко применяли этот педагогический жанр, особенно в Византии (например, «Наставление своему сыну» Кекивмена (XI в.)), и на арабском Востоке (например, в педагогическом трактате Кей Кавуса «Кабус – Наме» (XI в.), где отец излагает детям типичный раннесредневековый свод жизненных правил и наставлений, рисуя перед ним воспитательный идеал своего времени и своего сословия).

Педагогическая мысль на Руси зарождается и оформляется в потоке религиозной, христианской идеологии. Особой популярностью с X в. пользовался образцовый автор христианского дидактического красноречия византийский проповедник Иоанн Златоуст (344–407). Знание педагогического характера его произведений входило обязательным компонентом в книжное учение. Творения Златоуста в древнерусских переводах и переработках дошли до нас в составе учительских сборников устойчивого содержания: «Измарагдах», «Златоустах», «Златоструях и пр. Книга для Златоуста – основной источник знаний, человек, не зная книг, не может считаться образованным: «моуж моудр не именя книг подобен есть оплоту без подпор стоящу... аще ли моудр и книги оумет, совершен» [5].

«Слово» Иоанна Златоуста касалось не только обучения в школе, но и воспитания детей в семьях. В Древней Руси было переведено, творчески переработано и включено во многие сборники его

«Слово о наказании от притчи к родителям». В этом «Слове» показывается, что пренебрежение со стороны родителей в воспитании детей – дело недопустимое. Эти и другие мысли о домашне-семейном воспитании получили на Руси значительное развитие и обогащение, войдя в «Домострой».

Мысли о воспитании и обучении, исходящие от Златоуста, в условиях древнерусского государства были развиты Кириллом Туровским (умер в 1182 г.). Его идеи оказали прямое влияние на методику обучения детей и юношества в монастырских и церковных школах. В «Притче о душе и теле» Туровский по-новому говорит о сущности обучения. Телесность человека сравнивается им с «незатворенными вратами», без тела душа и сознание слепы, нечувствительны к внешнему миру: «яко аз слеп есмь и не вижу без водящего мя». Знания, получаемые душой, проникают благодаря нашей телесности, телесной организации: «ухо не слышит ли?.. око не смотрит ли?» – и зависят от религиозного состояния самой души. Отсюда и следствие: книжные знания должны даваться лишь избранным, лишь глубоко верующим, чистым душой людям [6, с. 340].

В общественном сознании людей того времени присутствовали две противоположные традиции восприятия ценности образования. С одной стороны, для молодежи «приобщение наукам было залогом будущей карьеры» [7, с. 9]. Странники сурового христианского аскетизма, противники умственной игры и античного образования видели в нем лишь источник «искушения» и путь к ереси. В представлении средневекового человека широкая начитанность, «философия» нужна человеку прежде всего для максимально глубокого понимания Священного писания. Конечная цель образования высшего порядка по древнерусским стандартам не столько овладение знаниями, сколько приобретение навыка понимания, истолкования фактов жизни и Святых книг, христианского мировоззрения.

Школа и педагогическая мысль, получившие высокое развитие в XI – начале XIII в., с разгромом древнерусских городов полчищами Батые (1237–1241 гг.) и установившимся золотоордынским игом (до 1480 г.) попали в такие условия, когда речь уже должна была идти не о развитии и совершенствовании, а о попытке сохранить крупницы книжной культуры. Забота о просвещении со стороны светских феодалов в то время сводится к домашнему обучению и воспитанию своих детей. Школы книжного обучения практически исчезают. Наступает период резкого отставания Руси от Западной Европы, где именно в XIII в. был осуществлен резкий взлет просвещения, развития высшей школы, рождения университетов.

Престиж грамотности, книжной учености резко снизился в кругах феодальной знати. Ценится

главным образом не книжная образованность, а воинские умения. На Руси и в России на долгое время, по сути дела вплоть до XVII в., исчезают государственные школы. Дом становится чуть ли не единственным местом целенаправленного развития подрастающего человека. Светские феодалы отходят от задач просвещения, а церковные иерархи преследуют лишь свои профессиональные задачи. Для светской власти на Руси наступили иные времена. Более высокий уровень военного дела у азиатских кочевников потребовал на первое место поставить профессиональное воинское и общее физическое образование. Даже герой былин того времени Илья Муромец, в отличие от Добрыни, более силен, но менее образован. Это вполне понятно, ибо чтобы достичь, например, ордынского уровня стрельбы из лука, необходима была специальная выучка на протяжении 20 лет. Усложнение программы домашнего военного обучения значительно понизило общеобразовательный уровень знати. Многие князья XIV в., в том числе и московский великий князь Дмитрий Донской, имели слабое книжное образование. Русские княжества отгородили Европу от духовного истощения, от разорения школ и библиотек, но и в России семейно-школьное образование не исчезло, оно лишь затаилось, уйдя в демократические слои населения.

Центр древнерусской культуры и образованности перемещается в Новгород, в знаменитый торговый партнер Ганзейского союза. В XIII–XIV вв. в Новгороде и некоторых других городах, менее страдающих от золотоордынского ига, получают развитие демократические формы обучения – училища мастеров грамоты. Элементарной грамоте мастера этого дела, как правило, обучали у себя на дому, опираясь на народную традицию домашнего образования. Странствующие мастера грамоты приглашались родителями в свои дома и становились домашними учителями детей. Обучение грамоте становится не ступенью в подготовке к учению книжному, а вполне самостоятельным, законченным и оторванным от последующего обучения индивидуальным делом. Отсутствие государственного вмешательства в процесс обучения значительно усилило на Руси демократическую, народно-педагогическую струю в просвещении. Широкое развитие получают домашне-семейные формы обучения и воспитания. Так как на Руси ремесленники и купцы традиционно практиковали заключение письменных договоров, то параллельно с профессиональным образованием ученикам и подмастерьям давались знания грамоты и счета.

Со второй половины XIV в. активное участие в деле организации центров просвещения занимает черное духовенство. В России началось движение по созданию в труднодоступных для отрядов

золотоордынцев местах пустошей-монастырей. Это явление оригинальное, чисто русское, вызванное условиями ига. В Западной Европе роль монастырей в то время резко пошла на убыль, а на Руси лишь начала возрастать. Зачинателем этого движения был великий русский просветитель Сергей Радонежский, являющийся выдающимся деятелем отечественного просвещения. В монастырях того времени осуществлялось, так сказать, средневековое «комплексное» обучение и воспитание. Сами монастыри были и экономическими (хозяйство), и духовными (церковь), и просветительскими (школа-библиотека) центрами. Сергей Радонежский по своим философским убеждениям являлся сторонником исихазма. Основным его педагогическим требованием было личное нравственное совершенствование. Основным методом – саморазвитие, самовоспитание, самообразование в специальной организованной культурной среде, рядом с духовными отцами и братьями, т. е. в воспитательной среде монастыря. Монастыри становились образцовыми, передовыми хозяйствами, своеобразными коммунами единомышленников, строившими жизнь по идеальной микромодели средневекового общества в его московском исполнении.

К XVI в. Московская Русь, Россия становится могучей державой. В 1480 г. ордынское иго окончательно свергнуто. В стране идет сложный процесс государственного строительства, резко усиливается потребность в высокообразованных работниках формирующегося единого бюрократического аппарата как светской, так и церковной власти. Как известно, в России ни одно дело не вершилось без сопровождающей «деловой бумаги». Присоединяются новые, обширные земли, управляемые десятками приказных изб, строятся новые церкви. Центром книжности и образованности становится столичный град Москва.

На рубеже XV–XVI вв. мысль о необходимости организованных училищ была высказана новгородским архиепископом Геннадием, известным как гонитель новгородских еретиков, являвшихся наиболее образованными людьми своего времени. В своем послании к митрополиту Симону он предлагает создать сеть централизованных учебных заведений. Однако в России и у церковной, и у светской власти этого времени были другие заботы. Потребность в образованных людях мастерами удовлетворялась, и острой потребности в государственных школах власти не ощущали. В конце XVI в. царь Борис Годунов «намеривался открыть в России школу наподобие западноевропейских университетов» [2, с. 61]. Но не было питательной среды, т. е. двух предыдущих школьных звеньев, и идея повисла в воздухе.

А между тем и среди посадских, и среди крестьян грамотных было довольно. Более того, в Мо-

скове XVI в. невысоко ценили даже людей просто «грамоты гораздых», предпочитая их тем, кто «словесного любомудрия зело преисполнен, священные же философии до конца навикл» [8, с. 10–11]. Таким образом, без обучения в высших школах русский человек достигал высшего образования. Подняться до этого уровня образованности можно было у мастеров книжного учения. Ими были, как правило, приказные дьяки, мастера-книгописцы. В народе их называли «мирскими дьяками», делом которых было «книги писати и учити ученика грамотной хитрости». Нельзя забывать, что в средневековой России почти во всех ремеслах существовал институт ученичества. Секреты мастерства передавались от мастера ученику и подмастерью в процессе практического изготовления по предлагаемому образцу требуемого изделия, в данном случае такого изделия, как рукописная книга. Важно отметить, что в предисловиях и послесловиях многих рукописных книг отражены педагогические взгляды «мастеров», а в самом содержании – их высокое методическое мастерство.

Воспитание детей на Руси осуществляла семья и церковь. Широко использовался метод исповедания детей и подростков [9]. Для осуществления детской исповеди были разработаны специальные «пособия-рекомендации» – «Поновления детям младым». Начиналась исповедь с увещания, направленного на то, чтобы убедить юного исповедника в необходимости полной и всесторонней исповеди. Для этой цели зачитывались наиболее яркие отрывки из текстов Священного писания, велась доверительная беседа. Само место исповеди в тайном месте церковного помещения настраивало внимание и обостряло все внутренние чувства.

В «Поновлении детям младым» греховным считается: «родителей своих непослушание... старшим досаждение», сквернословие, ложь, воровство: «солгал и не исправих глупостию», «украдох и истерял лакомством», «согреших лжею, клеветою, игранием, и плясанием, песнями и сквернословием и блужданием в праздники и посты...» Все то, что осуждалось в книжной христианской литературе, в форме исповеди доводилось буквально до каждого ребенка, доводилось прямым морализаторством, от книжного слова, а не от живой, понятной ребенку практики. Исповедь завершалась наставлением, в котором давался христианский нравственный кодекс.

Цель всех поучений – убедить исповедующегося следовать в жизни, особенно семейной, правилам христианской нравственности, воспитать покорность, послушание, внушать слепое уважение к церкви и всем власть имущим. Особенно сильно воздействовала исповедь на детей и подростков, она как бы приобщала их к миру взрослых, являясь

своеобразным аналогом обряда «посвящения» в его православно-религиозном выражении.

Церковь не удовлетворялась проповедями в церквях и исповедями, она использовала и народные, фольклорные средства для распространения своей идеологии. На Руси появляются так называемые духовные стихи, сходные по форме с эпическими произведениями, а по содержанию с христианской книгой. Нравственно-религиозные понятия, переложённые на былинный лад, на язык народных образов, противостояли мирской былинной стихии. Эти произведения следует считать псевдо-народным средством, пропагандирующим религиозные цели воспитания. Например, в «Стихе о Егории Храбром» (XIV–XV вв.) подвигом считается не служение стране, народу, а служение православной вере.

Вершиной педагогической мысли о семейно-школьном воспитании русского Средневековья является «Домострой» [10, с. 70–71], составленный известным политическим деятелем из окружения Ивана Грозного – попом Сильвестром. Сильвестр, скорее всего, был знаком не только с отечественным, но и с западноевропейским опытом составления подобных пособий («Советы отца сыну» Смилы Фляшки, «Рассуждения об управлении семьей» итальянца Пандольфини, «Парижский хозяин XV в.» и др.). Однако «Домострой» является сугубо национальным творением, средневековой энциклопедией русской жизни. Воспитание детей рассматривается в нем как особая, специфическая и важнейшая отрасль домашнего хозяйства, тесно связанная с целостным семейным бытом. Оба родителя отвечают перед Богом и людьми за воспитанность своих детей, их готовность к взрослой жизни.

В «Домострое» (XVI в.) подведен итог чуть ли не тысячелетнего опыта развития моногамной семьи на Руси, рассматриваемой на фоне хозяйственной жизни большой семьи. Мысли и правила изложены в блестящей литературной форме, что способствовало популярности произведения. Влияние идей, зафиксированных в «Домострое», прослеживается не только в XVII, но и в последующих XVIII–XIX вв., т. е. на протяжении всей эпохи феодализма, а в старообрядческой среде эта книга продолжала оставаться руководством по домашнему воспитанию и образованию детей и в XX в.

«Домострой» провозглашал священной обязанностью родителей воспитывать детей с младенческого возраста и контролировать как весь ход их образования, так и необходимость подготовки к жизни вплоть до их женитьбы и обзаведения своим хозяйством. Согласно традиции, «Домострой» провозглашает разделение обязанностей в деле воспитания детей между отцом и матерью по половозрастному принципу. На первое место выносятся

задачи нравственного воспитания, прежде всего религиозного, которое, однако, берется в сочетании с традиционными народными воззрениями на образ «совершенного человека». Список нравственных качеств в «Домострое» значителен. Требуется «Домострой» и евангельской покорности власти имущим: «повиноваться во всем и всякому властителю» от царя и князя до приходского священника.

На второе место в «Домострое» выносятся задачи обучения детей необходимым в жизни знаниям, умениям и навыкам. У детей прививается почтительное отношение к учителю, а со стороны родителей требования к личности учителя формулируются в следующих словах: чтобы он «хитр был и разумен умом и смыслом, а не грубый человек». Большое значение составитель «Домостроя» придает проблеме взаимоотношения родителей с детьми, понимаемое как важнейшее условие правильного воспитания. Также определенное внимание уделено методам и приемам формирования подрастающего человека.

«Домострой» рисует нам домашний быт подобно школьному, где домохозяин является учителем всех домочадцев, в том числе и жены, а задача воспитания состоит, с одной стороны, в подготовке детей к школьному обучению, с другой стороны, к практической жизни. В обязанности родителей входит и контроль за внедомашней, в том числе и школьной, жизнью детей.

Таким образом, семья в России, предстающая перед нами со страниц «Домостроя», играла в деле нравственного воспитания детей и юношества и их практического обучения ремеслам и домоводству главенствующую роль, существуя параллельно школьному обучению. Текст «Домостроя» позволяет предполагать, что обучение грамоте могло осуществляться прямо на дому, в семье, скорее всего, приглашенными «мастерами» этого дела, которые знали и ремесла. Сам составитель данного произведения поп Сильвестр организовал училище на дому. Программа обучения была широка, отличалась от школьной именно своей обширностью и отвечала целям подготовки юношества к реальной окружающей их жизни соответственно их наклонностям.

Со времени правления Петра I (1689–1725) домостроевский уклад жизни семьи начал трансформироваться. Возросло подчинение воспитания и образования молодежи государству. Оно отделило молодых от старшего поколения «пропастью» светского образования. Очевидно, переход от прежнего православного семейного уклада к западному образцу противопоставлял семейные ценности и нормы поколений, способствуя открытым и, возможно, даже в чем-то одобряемым государством конфликтам между ними. Переход к преобладанию светского воспитания над религиозным привел к

тому, что постепенно шло освобождение сознания подрастающего поколения от догматического религиозного мышления. Сама религиозная идеология также подвергалась переоценке [11, с. 22].

В заключение следует отметить, что радикальные социально-политические преобразования в России конца XX в. привели к активизации религии, усилению ее влияния на различные стороны общественной жизни, в том числе и на сферу образования. Проникновение религии в светскую школу, которая до недавнего времени была предельно секуляризованной, породило и обострило проблему «школа и религия», уже не первый год вызывающую в обществе жаркие и не всегда конструктивные споры. Решение данной проблемы находится не столько в образовательной сфере, сколько в социальном, политическом, историческом и других аспектах. Тем не менее необходима разработка и экспериментальное внедрение новой дифференцированной стратегии образования с учетом сложившихся исторических реалий. С этой целью представляется целесообразным проанализировать исторический опыт, учесть образовательную практику соперничающих между собой позиций, но фактически утверждающих различные варианты единой стратегии общего религиозно-педагогического образования: конфессионально ориентированного и секулярно ориентированного.

Проведенное исследование показывает, что в России, несомненно, присутствует богатый исто-

рический опыт сочетания религиозного и светского знания в процессе обучения детей. Более того, в историческом ракурсе видно, что эти пласты знания на всем протяжении российской истории находились в диалектическом единстве, дополняя и обогащая друг друга. В разные периоды истории в зависимости от складывавшихся социально-исторических и экономических реалий общества на первый план выходили или религиозные аспекты образования, или его светские компоненты. Но при этом они не враждовали друг с другом, тем более что семейное воспитание и обучение предоставляло пространство для их оптимального естественного сочетания. В настоящее время опыт традиционного семейного воспитания потерян: выросло несколько поколений людей, воспитанных вне рамок религиозного знания, не имеющих опыта и потребности общения с религией. Следовательно, их отношение к внедрению основ религиозного знания в образовательный процесс, естественно, будет или отрицательным, или весьма настороженным. Поэтому данный процесс должен, безусловно, проходить без давления государства и церкви. Кроме того, отечественный опыт и формы организации образования предоставляют возможность изучения религиозного и религиозно-педагогического знания не только в обязательной форме (в школе или вузе), но и в свободных формах дополнительного образования детей.

Список литературы

1. Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989.
2. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 2, ч. 2.
3. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Книга вторая. История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. Л.: Политиздат, 1953.
5. Измарагд. Отдел рукописей РГБ, ф. 304, ш. 9, л. 6.
6. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. М.-Л.: АН СССР, 1955. Т. XII.
7. Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов. Три очерка. СПб.: Алетейя, 1998.
8. Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. СПб., 1894.
9. Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной восточной церкви. Одесса, 1894.
10. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века / сост. Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев. М.: Художественная литература, 1985.
11. Стародубцев М. П. Распространение гуманистических взглядов западноевропейской цивилизации в России XVIII века // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). Вып. 8 (123). 2012. С. 22.

Ганина С. А., кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой, соискатель.
НОУ ВПО «Российский новый университет» (Орехово-Зуевский филиал).
Ул. Ленина, 86, Орехово-Зуево, Московская область, Россия, 142600.
E-mail: svetla3@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 05.10.2012.

S. A. Ganina

**RELIGIOUS AND SECULAR ASPECTS OF THE EDUCATION AND UPBRINGING OF CHILDREN IN MEDIEVAL RUSSIA:
HISTORICAL, EDUCATIONAL AND SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

The article is devoted to the analysis of a secular (public and domestic) and religious knowledge in the process of socialization of children of medieval Russia. Special attention is paid to family-based care and education, as the centuries-old way of combining religious and secular aspects of knowledge. Parallels between modern attempts of introduction of religious knowledge in secular school and their historical forms of existence are drawn.

Key words: *socialization, religious education, family education, school education.*

Orehovo-Zuevo branch of the Russian New University.

Ul. Lenina, 86, Orehovo-Zuevo, Moscow region, Russia, 142600.

E-mail: svetla3@yandex.ru